

Бродяги духовного чина. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://leskovnikolai.ru/> Приятного чтения!

Бродяги духовного чина. Николай Семенович Лесков

Характерное явление церковной жизни XVIII века
Того отцы попы, чернци, не минули шляху,

Философы, крутопопы набирались страху.

Черноморская «вирша» Потемкину.

Недавно в Локашинском погосте, близ Полтавы, скончался скромный литературный труженик и всякого почтения достойный человек, Иван Данилович Павловский. Он был большой любитель церковной истории и тщательный собиратель исторического материала, какой только попадался ему под руку. Перед последним отъездом своим из Петербурга в Малороссию, куда Павловский отправлялся уже без надежды на выздоровление, он оставил мне «охапку шпаргалов», собранных им где-то в Полтаве, и просил со временем разобрать эти бумаги и не дать затеряться в неизвестности тому, что в них может оказаться достойного общественного внимания, а «наипаче любителей русской церковной истории».

Исполняя просьбу моего покойного приятеля, я пересмотрел «охапку» и нашел в числе переданных мне бумаг немало любопытного, хотя это все по преимуществу клочья и отрывки, касающиеся очень разнообразных предметов. Самое цельное составляют листы, очевидно вырванные из переплетенной копийной книги, в которую полностью вписывались указы, полученные полтавским «всечестным протопопом Евстафием Могилянским из киевской митрополии». Указы обнимают время с 1743 по 1780 год, т. е. всего кряду тридцать семь лет весьма интересной в жизни России эпохи XVIII столетия, и любопытны не менее, например, чем краткие выборки из «Книжной судебной книги», сохраненной киевским профессором Антоновичем и отпечатанные в «Киевской старине», или «Известия об излишних монахах», выводимые в том же издании профессором киевск. дух. академии Ф. Терновским. Все указы названной версии помечены на маржах кратко словом «о сиску», т. е. о розыске беглых людей, или, как они в самых указах названы, «бродяг духовного чина». Пометы эти, вероятно, сделаны рукою самого «всечестного протопопа Евстафия», а может быть и чьею другою, но это, впрочем, не важно.

Бумага толстая, сине-серая и значительно обветшалая, чернила порыжелые, почерка, главным образом, два, – оба составляют переходную манеру от полоустава к скорописи. Один довольно красив, оба нечетки.

Я подобрал цельные указы «о сиску» и уцелевшие обрывки по годам и делаю из них выписки в хронологическом порядке, дабы можно было наглядно себе представить, как шло и развивалось в духовном чине такое любопытное явление, как бродяжество, составляющее весьма характерную черту того времени, когда было «строго и благочестиво». Текста самых указов я не привожу, потому что он не представляет ничего интересного.

Обыкновенные духовно-канцелярские вступления по одной формуле, а потом поименование беглецов с указанием их примет и времени их побега, а в конце предписание «всечестному протопопу смотреть тех беглецов накрепко и, заковав в кандалы или забив в колодки, посылать их туда, откуда они бежали, – или же в консистории, а иногда и в святейший синод».

Я выписываю из указов «о сиску» только имена, сан и приметы лиц духовного чина, которые пронесли в своей жизни крест добровольного скитальчества и тревожили свое начальство, пускаясь бродяжить. При этом я отмечаю, где есть след, – при каких обстоятельствах произошел побег и какого возраста были эти искатели приключений в ту пору, когда они решились предпочесть мирную жизнь святых обителей случайностям увлекательной, но тревожной жизни бродяг. Кроме того, присовокупляю более или менее интересно определяемые приметы, по коим духовных бродяг надлежало «смотреть накрепко, ловить и заковывать». Мне кажется, что более подробные выдержки из указов «о сиску» были бы утомительны и неинтересны, а то, что я извлекаю и записываю, по моему мнению, непременно должно составить живой интерес для всякого любителя исторической правды, которую постоянно есть охотники затемнять предосудительною и вредною тенденциозною лживостью. Так как это злое настроение в наши дни особенно ожесточилось и появляется много писаний, авторы которых беззастенчиво стремятся ввести мало знающих историю людей в

Бродяги духовного чина. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru заблуждение, представляя им былое время и былые порядки в ложном свете, дабы таким образом показать старину, как время счастливое и прекрасное, к какому, будто бы, следует желать возвратиться, то и со стороны людей, уважающих истину, имеющую свою цену «на каждом месте и о каждой добе», должно быть представляемо общественному вниманию, какие явления имели для себя место во времена былые.

Известия о «бродягах духовного чина» показывают такие черты клировых нравов русской церкви, которые, кажется, должны и могут служить убеждениям, совершенно противоположным с теми, какие внушают люди, слепо пристрастные к «святой» старине и, может быть, недостаточно основательные в своих стремлениях повернуть неудержимое течение жизни к порядкам старой и слишком скоро позабытой, но нимало не лучшей поры.

Хотя известия «о бродягах духовного чина» здесь подаются в случайном и, конечно, крайне ограниченном размере и, разумеется, составляют, вероятно, только самую незначительную долю всей группы случаев этого рода, – однако, тем не менее, и по такой малой доле читатель будет в состоянии себе представить настоящие, а не поддельные и притом весьма яркие картины былого.

За сим начинаю мои выписки: «попы, чернцы, философы и крутопопы, набираясь страху, мандруют до шляху».

Шествие открывается «попом».

В марте 743 года из Святогорского монастыря «бежал поп Андрей Шапкин, содержавшийся в монастыре по некоторому секретному делу, – лица белого и громогласен». Его велено «смотреть накрепко» и по поимке «отослать скованна в белгородскую консисторию». А 30-го июля того же года из Красногорского монастыря «бежал поп Андрей Григорьев, на обличье смагловат, побит воспою, волосов скулих, мови грубой, малохрипливой, лет ему 50, бежал ночью». «Прислать скована».

Порою «утекательство» попов, иноков и инокинь ожесточалось до того, что они поднимались станом из разных монастырей, как бы скликнувшись, чтобы всем бежать вместе в одно время и на условный пункт. Так, в 1743 г. сразу бежали и в одном указе объявлены: 1) Козельского монастыря монах Мелетий Стоецкий, «волосов малих, а глазов больших, лица кругопятного»; 2) иеромонах Варлаам Климов, «мови тонклявой»; 3) из монастыря Полтавского иеродиакон Сильвестр Кульчинский, лет 30; 4) из Гамалеевского монастыря иеромонах Никифор, носа не великого и острого, мови швидкой, 34 л.; 5) из Глуховского монастыря монахиня Паисия, мови дроботливой и мало гугнивой, глазов серих мало подпухлых, носа долгого, лет 45; 6) из Козелецкого монастыря монахиня Христина, мови повольнодроботливой, носа короткого, лет 40; 7) из Черниговского Троицкого монастыря – иеромонах Иннокентий Шабулявский – в плечах толст, сам собою и руками тегуст (sic), носа острого, щедровит (ряб), бороды не широкой, козлиной (sic), спевает и читает сипко тенором; 8) из Никольского пустынного монастыря монах Исаия Куновецкий – сухопрадий (sic), око правое вейкою (sic) толсто заплыло, лет 22; 9) из Успенского монастыря иеромонах Антоний Усманецкий, 57 лет, мови грубой; 10) монах Исаия, 31 года, без пальца на руке; 11) монах Иосей кузнец, росту малого, 40 лет; 12) Анастасий Хватовец – 31 года; 13) Калист Загоровский, русский, слащеватый, 30 лет. Всех их повелевалось «искать накрепко» и пр., но сыскан ли кто – неведомо. Ведомо только, отколь они пошли, но никто не знал, где они сосвидятся. Это дает целые картины, которые представляются воображению всякого, кто слышал хотя что-нибудь о таковых бродягах, ходивших «становищами», особенно по Карачевскому и Трубчевскому полесьям, Орловской губернии, перед самым тем временем, как сформировалась известная разбойническая шайка Тришки.

Здесь достойно замечания, что все бродяги-монахи по летам моложе одновременно с ними бежавших и по одному указу разыскиваемых монахинь. Исключение представляет один Антоний «грубой мови». На Десне рассказывают, что «перед Тришкою» за год ходило по лесам «компанство» духовных с своими конями и возами, т. е. телегами и жинками. Они стояли становищем «як заправьски цыганы» и для довершения сходства с сими последними «ловили по селам кур и гусей и свиней били и смолили». Все черницы или жинки были старше монахов «опричь одного, который был як тур с Беловежи: той всем молодым чернецам по чернице дал, а некоторым на двух одну, а сам вроде игумена був и особой жинки соби не тримал, а всех себе на покуты брав (на покаяние) и бабы его против всех молодых чернецов боялись, и которой он

Бродяги духовного чина. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru велел, та с ним ту же минуту шла каяться в его холщовую повозку на долгих дорогах». На этой повозке у него был белый «плаг со крестом, вроде как на походной церкви». Они тоже служили какие-то службы, пели псалмы за усопших и пошаливали на проезжих, а потом передрались и «рубались топорами», и позже вдруг никому не заметно снялись и уехали по осени. А весной, когда растаял снег и дивчата пошли рвать ландыши, то нашли недалеко от бывшей стоянки во рву под сухой листвою убитую черницу, «пополам перерубанную» и цинически набитою в нижней части тела еловыми шишками. Об этом все знали, и все молчали, «пока черница сгнила, или волки ее съели». А потом «пошел Тришка», о котором крестьяне северных мест Черниговской и прилегающих уездов Орловской губернии мнения не худого «за те, що вин хотив усих ровными зробить и заможных (т. е. богатых) разорля, а бедных награждал».

«Консистерия преосвященного Антонина, митрополита белгородского и обоянского», в июне 1744 г. за № 1,006, «разыскивала бежавшего безвестно вдового попа Ивана Карпова, который с женкою Ириною жил прелюбодейно. Ростом высок, лет тридцати». Его предписано «смотреть, поймать, заковать» и прочее по установлению. А сряду за № 1,010 владыка Антонин просит киевского митрополита Рафаила Зборовского «смотреть, заковать» и прочее многих «монастырских утекенцов», а именно, «утек иеродиакон Паисий, лет 30, тонок и скудобрад, иеромонах Евлампий, лица смаглеватого, мови скорой, лет 50, спевает тенора, Златоверхого Михайловского монастыря иеромонах Вениамин, мови громкой; да иеромонах Иосаф, носа незадолго, очей малосерих (sic), а мови тихой; да монах Корнилий Капустинский, роста невеликого, а лица долгого и носа большого, ко рту похилистого, бровь белых, художества малер. Кирилловского монастыря иеромонах Алимпий – рыжеус и мови бойковатой, да иеродиакон Климент, 22 лет, мови покладливой, да монахи; Антоний, волосов рыжих, глазов кривых, малограмотен; да Даниил, лет около семидесяти (!), да монахини девичьих монастырей: Киево-Иорданского монахиня Анна, росту среднего, очей карих, мало насупленных, лица смаглеватого, носа керпатого, на правую ногу хрома, глуповата, лет ей 57» (вообще не красавица). «Другая Анна, 30 лет, бров черных, очей серых, носа керпатого, лица ямоватого, грибоватого, опухлого» (тоже не увлекательна); «да монахиня Фотинья, лица долгого, 54 лет; да иеромонах Исаия, да монах Авсентий, телом толст, ходит сутуловато, горбат, полной природы; да монах Митрофан, росту невысокого, волосов на голове продолговатых, черных, лица черноватого, бороды колковатой (sic)». Всех их смотреть, ковать и проч.

Пускались бродяжить и протопопы, так, в 1747 году бывший карповский протопоп Василий Трипольский «за неотдачу в консисторию бытия своего в городе Карпове и уезде сборной ее императорского величества денежной казны окладных с церковью и неокладных с венечных памятей двести тридцати восьми рублей сорока девяти копеек от священно-служения запрещен и в том обязан подпискою», а потом «безвестно бежал». Лет ему 45.

В 748 году сряду публикуются два побега, из коих один интересен по личности беглеца, а другой – по обдуманности и запасливости бежавших. Во-первых, бежал из ставропигиального Симонова монастыря сам игумен Нефитес (в другом месте документа назван Феофилом), позванный в синод «по некоторому делу», а во-вторых, в «киевской катедре иеромонах Гедеон, подмовивши с собою послушника монастыря Катедровского Василья Борзовского и взявши с собою пару монастырских лошадей с хомутом, полушорком и сани со всею упряжью, тако ж и квитанции, которые надлежали до шафарской конкуленции и городничества позабравши, безвестно бежали». У иеромонаха Гедеона «борода с обширностию», а послушник Василий «на глаза низок». Оба «речи дроботливой».

При побегах бывали и захваты в духе удалого казачества, – так, в 1749 году, «из черниговской епархии, монастыря Николаевского, пустынно-рыхловского бежал постриженец монах Иннокентий Руссиков, носа керпатого, на правую ногу крив, а борода только зачала пробиваться». Бежал он «против 1-го ч. марта ночью, оседлавши в ворце самую добрую монастырскую лошадь и не давши определенного ему послушания экономического». Последнее замечание интересно по его наивности: игумен и братия надеялись, что задумавший бежать будет иметь заботу сдавать им свое послушание!.. А вслед за тем, как ускакал в марте на добром монастырском коне монах Иннокентий, в апреле из Введенского Гадячского монастыря, с гораздо большею основательностью, уезжает иеромонах, имени которого не названо. «Его, по рассмотрению братии, отправлено, т. е. его послали при возах (подводах) четырех в сечь за солью и за рыбою и при указе за шнуровую книгу для испрошения на

Бродяги духовного чина. Николай Семенович Лесков teskovniko1ai.ru монастырь милостины. Тогда, продавши воз монастырский с парюю волов и поделавши оному монастырю немало урону, безвестно от возов бежал». Вероятно остался в сечи.

С посылками иноков по монастырским нуждам, очевидно, случались частые в этом роде истории, по крайней мере, в том же 1749 году, когда не вернулся из сечи отец иеромонах, пропал и другой инок, тоже облеченный доверием своей обители.

21-го мая 1749 г. иеромонах Нежинского монастыря Илья Романовский послан был надсматривать у рыболовней монастырских и бежал. Он лица каровидого, продолговат, мови гугнивой, спевает тенора. «Его забить в колодки и прислать».

Это, можно сказать, в своем роде прототипы или предтечи нынешних кассиров, и, вероятно, только одною малоначитанностью гг. адвокатов можно объяснить, что ни один из них, защищая нынешних захватчиков светского чина, не сделал посылки на захваты и утекательство в чине духовном.

«Нежинского монастыря архимандрит Платон доношением представил, что оного Нежинского монастыря иеродиакон Паисий Трапензий, бродя с маткою своею Евдокиєю, находячеюся при доме протопопа нежинского Стефана Волховского, [1] по разным корчмам и пианствуя сего 1749 года июля 21, неизвестно бежал, который иеродиакон приметамы такий: росту среднего, лица белого, круглого, носа умеренного, очей серых, волосов темно-русых, небольших, мови горкавой, лет от роду тридцати». Его «накрепко смотреть и, заковав в колодки, отослать в оный Нежинский монастырь на коште того монастыря».

Игумен Гадячского монастыря Филарет доношением митрополиту Тимофею (Щербацкому) представил, что «1749 года против первого числа мая, ночной доби (ночную порою) иеродиакон Дамаскин Гаврилов, который указом его преосвященства определен был в Гадячский монастырь на неисходное житие», изшел оттуда не дверьми, но пролез инуде, – именно, он «продрался чрез ограду монастырскую и бежал безвестно». А приметы этого иеродиакона такие: «росту среднего, волосов черных, коротких, бороды такой, что высыпается (??), глазов черных, лицом смогловат, носа долгого, говорит дроботливо, ходы швидкой, лет 23». Оного «бегляка» смотреть накрепко и проч.

Бегляков, вероятно, иногда ловили, и тогда указы о заковывании их накрепко исполнялись, может быть чересчур сурово, потому что в Москве при сенате, 8-го июня 1749 г., напечатан указ ее императорского величества, чтобы помещики, дворцовых и монашеских вотчин управители беглецов ловили и сдавали властям с расписками, но при этом наблюдали, «дабы таковые беглецы от долговременного содержания и от голоду напрасной гибели також и побегу не имели».

Затем побегии своим чередом продолжаютя.

«Золотоношского монастыря табедний (?) Анатолий, росту великого, долгосудого (?), носа умеренного, глазов серых, посуповатый, волосов на голове долгих, рудых, бороды и усов не рудых, речи цикой (sic) литовской, лет сроду четьредесяти, прошлого июня (1749) против 21 дня в ноче без жадной (т. е. без всякой) причины бежал».

«Петропавловского глуховского монастыря архимандрит Никифор доношением представил, что 1749 г. июля 8-го дня, во время утренни, иеродиакон Гавриил Васильев, росту среднего, лица тараканковатого (sic), носа горбатого, продолговатого, волосов светло-русых, бородки рудой и небольшой, действует и спевает тенора; ходы спешной, речи пространной, очей серых, лет ему сроду как бы сорок, – с оного Петропавловского глуховского монастыря бежал, и показанного беглеца, иеродиакона Гавриила, накрепко смотреть – не явился ли где, и буде явится, то его, поймав и забив в колоды, отослать в оный Петропавловский монастырь на коште оного монастыря».

«Определенный 1748 г. августа 4-го при указе из канцелярии катедровой черниговской епархии в Черниговский же в николаевский макошинский монастырь на безысходное житие иеромонах феоклий минувшего апреля против 16-го числа, взяв монастырскую челнь, по реке Десне неизвестно бежал. Кой же приметамы таков: росту среднего, сутуловат, волосов на голове и бороде темно-русых, коротких (!?), прямых, густых, усов долгих, темно-русых, глаз карих, лицом сухощав и блед, носа продолговатого, говорит тихо, скоро, пространно, употребляет в речь

Бродяги духовного чина. Николай Семенович Лесков teskovniko1ai.ru часто „поистине“ и „паки“. Спевает тенора тихо, голосит; языком говорить может (?!), ходит скоро; лет ему до сорока». «Показанного беглеца крепко смотреть, не явился ли где-нибудь, а явился, то его, поймав и забив в колодки, отсылать в черниговскую консисторию».

«Марта против 25-го числа 750 г. из Нежинского монастыря бежал иеродиакон Ипполит, мови литовской, спевает баска, лет четыредесять». Поймать, «забить в колодки и прислать в Нежинский монастырь».

«Того же 750 г., ноября, против 5-го числа в почине Воскресенского монастыря Новый Иерусалим бежал иеродиакон Марко, ходы и мови гайдамацкой, лет тридцати». «Забить в колодки» и т. д.

«В Красногорском монастыре жил бесчинно и во всем поступал предерзостно иеродиакон Яссон, и когда наместник иеромонах Арсений послал его для допроса, он того же дня, 18-го октября 750 г., безвестно бежал. Росту большого, волосов черных, носа долгого, мови дроботливой, лет как бы 35-ти». Его «поймать, забить в колодки» и проч.

Того же года 18-го июля из Песношского монастыря бежал 50-ти-летний иеродиакон Оплечев (без имени), присланный туда за нехорошее дело из св. Сергиевой Троицкой лавры. Его тоже «поймать и забить».

«Нижегородского архангельского собора бывший протопоп Василий Иванов, сын Лутохин, в июле 1749 г., за разные показанные в указе вины послан был в Зеленогорский монастырь, а оттуда 25-го декабря 1750 г. (на самое Рождество Христово) бежал безвестно, а приметы протопопа те: росту великого, деibel, волосом сед, борода впроседей, лицом избела красноват, долгонос, говорит сиповато, от рождения в шестьдесят лет».

А с ним сбежали или им сведены той же обители иноки: «монах Малх да иеродиакон Марко», – оба по приметам люди непоказные: иеродиакон Марко «росту мал и косноязычен», а инок Малх имел «волосы долги, но речь гнусявую».

В это же самое время из киевского Кирилловского монастыря бежал «лишенный иерейского сана и присланный в монастырь для содержания без сообщения святых тайн по смерти» села Зубатова иерей Андрий Иванов, кой приметам таков: «росту низкого, корпусу сухощавого, волосов на голове простых, лица желтого, стешками (?), молви трусливой, ходы спесивой».

Всех искать, держать, ковать и проч.

Из Густынского монастыря, против 7-го октября 750 г., ночью бежал «иеромонах Моисей, находящийся по смерти свою без священнодействия за пьянство». Из Троицко-Сергиевой лавры бежал иеродиакон Илларион, изображение примет коего отвалилось. Обоих требовалось «смотреть, в колодки забивать» и т. д.

Случалось, что иноки уходили из монастырей с значительною покражею и святотатственного характера. Такой случай, бывший в 750 г. в нежинском Благовещенском монастыре, откуда «октября против 24-го числа в вечер бежал иеромонах Варлаам, писарь в житии не постоянный». Он, «оставя все дела монастырские, сбежал неведомо куда», а с ним «из церкви Благовещения из алтаря не стало разных церковных из шкафы вещей, – поясов шалевых красных; великой рукии, четыре материи зеленые; локоть восемь штофу разноцветного; кружку кошельковую сломано и денег полтора рубля взято. На митре сребро-позлащенной две штучки алмазных оторвано; на митре парчевой венчик жемчужный обрезаю. Икону пресвятые Богородицы Казанские, которую писал Петр митрополит киевский, с затвором, и по краях тоей иконы и на затворах оклад золотой, а венец жемчужный, под жертвенниками снято и неведомо где оную икону было подето; а после-де тая же икона в церкве неведомо кем подкинена и с этой иконы до десяти зернят жемчужных отрезано. Да и прежде сего в недавнем времени в месяце сентябре, в первых числах тако ж, и кружку в церкви отбито и деньги пятнадцать рублей с оной взято. Иеромонах Варлаам росту среднего, власов черных, долгих, лет 30, лица омальковатого (?), очей карих, спевает тенора». Его «смотреть, поймать и забить в колодки, а вещи прислать».

«Против 23-го января 750 г., ночью, бежал киевского Пустынно-Николаевского

Бродяги духовного чина. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru монастыря постриженец в мантию, монах Паисий, росту большого, лица долговатого, глаз белых (sic) дримловатых, волосос русявых, лет 40». «Поймать» и проч. «Августа 4-го бежал Киево-кирилловского монастыря иеродиакон Климент, росту высокого, лица мало-зеленого, бороды невеликой».

Бежали и «раскольники» хотя не от своих, а от «господствующих», и тогда розыски производились тем же порядком, но только видно, что они содержались под стражею несколько тщательнее, хотя, впрочем, это мало помогало, так как и сами стражники тоже были бегучи.

В именовании «утекленцев» тоже есть отмены. Так, например, в митрополичьем указе 4-го сентября 750 г. писано, что «по некоторому самонужнейшему делу содержались при святейшего правительствующего синода конторе колодники, раскольники схимник Анфитка, да трудники его Иоська и Авраамка, и они бежали, купно», и прибавим – очень оригинально. Побег совершился «августа 26 числа по полудни, во втором часу, и за пребывавшим при иной святейшего правительствующего синода конторе отставным прапорщиком Яковом Есюковым». Приметы беглецов такие: «схимник Анфитка росту среднего, плечист, лицо угреватое, побитое рябинами, ноздри с обеих сторон рваные, питан, глаза кривавые, волосы черные, лет пятьдесят. Оська – невелик, лет двадцати. Авраамка росту малого, лет 40, волосы светло-русые с сединами». Страж же этих беглецов, тоже вместе с ними бежавший прапорщик Есюков, был таков: «росту среднего, лицом скуловат, бел, на голове волосы темно-русые, малые, взлезаст (!), с плешинами, летами в тридцать пять». Всех их одинаково «смотреть, ловить, ковать» и проч.

Раскольников некрепко уберегали не в одной конторе, а они преблагополучно бежали и из контор монастырских, – так, например, сряду же «раскольщицкий черней, Герасим», который прислан из святейшего синода конторы в контору ставропигиального Новоспасского монастыря, бежал из конторы этого монастыря, 50 лет. Но это еще благополучие, что он никого с собою не увел, а то случилось и такое горе.

1751 года из ставропигиального Новоспасского монастыря бежал пономарь монах Илларион, 27 лет, да содержащийся там же раскольнический чернец Виссарион, которого велено было особенно заковать в ручные и ножные кандалы и прислать к синодальным членам; но только ему «нигде в Москве сыску не было». Кто тут кого сманил и увел: раскольнический чернец православного пономаря, или пономарь юного чернеца, – угадать нетрудно.

«Епархии ростовской и ярославской обретавшийся в Углицком монастыре, в братстве ярославского уезда, села Николаевского, вдовый поп Алексей Григорьев, а в брянском Саввине монастыре иеромонах Вениамин – бежали». Бежавшему «попу шестьдесят лет».

«751 года февраля 5-го против 6-го дня из Черниговского Ильинского монастыря бежал иеродиакон Вениамин, находившийся в должности коперштихаторской и подмовил с собою иеродиакона Нектария, находившегося в должности пекаревой. Вениамин росту мало выше среднего, собою товклив, лица островатого, щуплявого, глазами пахмурен, носа долгого посредине малогорб». Примет Нектария нет, и вообще конец указа оторван.

«27-го апреля 751 года бежал из Киево-Братского монастыря иеродиакон Тавия Яскевич, приметамы таков: росту среднего, на голове и бороде волосос русских, темно-простых, бороды невеликой, очей в лобу западных, телом умерителен; носа малого, продолгого; ходы замашкой, – як ходит, то руками размахивает, спевает и читает тенористо». «Накрепко его смотреть, поймать, забить в колодки» и т. д.

3 июня 751 года из канцелярии метрополии Киевской был разослан указ о поимке нескольких бежавших молодых иеродиаконов, из которых имена некоторых оторваны, а другие уцелели. Между сими последними есть Кодрат, «собою белопуз, волосос рыжих и коротких, говорит тихо и пискливо, по-литовски; читает и спевает себе в нос трудоголосом, как бы в род плача, лет ему от роду 22, художества резчик панагий, крестиков, летир и образков на дереве и на меди. Он же и печатки резать умеет». Назван еще иеродиакон Нектарий, тоже 22 лет, вида «пахмурного, тонкляв и всегда нависшия смотрит и что ни говорит, то как бы сердившись, особливо в случае его вопрошения, отвечает и говорит хрипливо, тихо и розначим голосом».

В том же году, 14 мая, из Нежинского Благовещенского монастыря бежал иеродиакон

Бродяги духовного чина. Николай Семенович Лесков teskovniko1ai.ru
Пахомий, 25 лет, который «определен был в пономарню, в звание эклекашеское. Росту он невеликого, собою тонок, нос кирповат, поет и читает розначо».

В 1754 году бежали из Кирилловского монастыря, в Киеве, иеромонах Иакинф, да дьякон Марко, да иеромонах Софроний, «стриженный, лицом очень смугл, очей желтоватых». Киево-Николаево-пустынного монастыря иеромонах Игнатий, «росту высоковат, собою тонковат, лицом бледноват и головою лысоват, с тылу и по бокам на голове мало волос, поет тенора; да иеромонах Иакинф сам собою деibel, а лицом красно-рыжеват, волос чернo-сивых, поет тенора, лет 60. Нежинского монастыря иеродиакон Фортунат, росту великого, полон и толстоват, говорит громогласно. Монахи Савва и Аверкии», и пр.

Но вот являются еще особливые случаи более интересных побегов, которые, конечно, предприняты не с целью бродяжить, а, вероятно, с иными, более основательными планами. Эти планы мы и попытаемся разгадать и, если можно, объяснить.

В указе митрополита Тимофея Щербатского писано, что «некоторые священнические сыны, а именно: Стефан да Федор Клеоповы, Антоний Буринской, дьякон, да Петр Голубудский, зная свое дело к получению иерейского чина недостойнство и в чтении крайнее неискусство, минуя архипастыря своего, отшед за рубеж к чужестранным епископам без всякой правильной причины, без указных презентов (?) и ни к какому месту, не удостоен ваканс, ухищренным образом против правил св. отец священство похитили». «А дабы другим впредь сего чинить повадно не было», повелевается «священнического благословения у них не брать и священниками их не называть», а «смотреть» и т. д. Приметы же этих не достойных иерейства были такие: «Стефан Клеопов носа островатого, волос простых, бороды малой и весьма редкой, лет 26. Федор Клеопов росту невеликого, мови дроботливой и шепеливой, ходы швидкой, носа невеликого, мало-толстоватого, лет 34. Антоний Буринской мови тонкой, ходы пространной, носа долгого, а лица сухощавого. Петр Галабутский лица смоглеватого, носа умеренного, лет ему 27».

В одном указе сразу объявляется, что 17-го июня 753 г. бежали из Успенского Рябцевского монастыря иеродиакон Флавиан, который «по своему пианству, многие чинил беспокойности, пакости и шкody и подговорил с собою двух послушников, которые тоже бежали. 26-го числа из Перервинского монастыря бежал в Москве из подворья иеродиакон Паисий да монахиня Магдалина, росту среднего, лица белого, волос темно-русых, ходы скорой, очей серых, говорит слитовска. Да еще иеродиакон Митрофан Пожарский, собою толст, лица красного, мови горкавой, да иеродиакон Фловиан, твари круглой, одутловатой, носа толстого, керповатого, мови пространной, спивает тенора нескладно и неголосно». Их требовалось «смотреть накрепко» и в случае поимки «забить в колодки и послать в их монастыри».

В киевском богоявленском девичьем монастыре содержалась за какие-то дела «вышедшая из польской области монахиня Магдалина, коя была под началом у соборной старицы Мелании и, поблагословяся у нее пойти к начальнице (игумении Макарии), назад не пришла». Примет ее недостает, – оторваны.

Бывали молодцы и такого сорванцовского типа, что с одного вида казались страшными. Так, например, в 1775 году из Лубенского монастыря, где нетленно почивает угодник божий Афанасий, сидящий, продававший казакам за деньги индульгенции, напечатанные для него в Москве по великодушью царя Алексея Михайловича, «бежал иеродиакон Платон Савецкий, поделав значные непристойства». Савецкий приметамы таков: «роста мерного, волос черноватых, лица беловатого, взору островатого, на правую ногу хром, а говорит дерзостно и грамовато», а при том во всем цвете силы, ибо ему «лет тридцать».

В марте месяце 1776 года, 2-го числа, последовал «ордер» о многих «бежавших из епархий ростовской, крутицкой и воронежской, коим реестра прислана», но самого реестра этого в бумагах протопопа Евстафия не оказывается.

В 777 году велено разыскивать двух бежавших священников рязанской епархии Касимовского уезда Афанасия Васильева, да вятской – Иоанна Епифанова. Афанасий 50 лет, плешив, а Иоанн сутуловат, нос с перегорбом (?), ходит согнувшись, говорит шепетливо, 60 лет.

Когда «утекленца» прижимали до того, что он должен был прятаться по рощам и прилескам, то он держался все-таки поближе к монастырям, где, вероятно, находил

Бродяги духовного чина. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
сочувствующих питальцев и набирал там себе товарищей для бродяжества.

«778 г. февраля 8 дня», в полтавскую духовную консисторию явился митрополии ясской монах Михаил с билетом, с которым отпущен в город Киев «для свидания с свойственниками и проживал в Киево-Печерском монастыре, в гостинном доме». Его почему-то «велено было отправить в губернскую канцелярию для рассмотрения», но он 13-го февраля бежал, а 28-го августа представлен в словенскую консисторию из Великобудисского девичьего монастыря, с представлением, что он проживал близ села в лесу, который того же августа против 29 числа из консистории с-под караула паки бежал. В приметах его достойно внимания, что он «бороду и усы обрил и только что начали обрастать, и говорит тонкляво, а лет ему от роду 25». Очевидно, обриту отцу Михаилу было гораздо удобнее ютиться в роце девичьего монастыря, так как обритые мужчины легко переряжались в женщин. Его требовалось представить в словенскую духовную консисторию. (Указ дан той же консисториию 778 г. октября 4-го дня.) К указу о сыске монаха Михаила приложен целый «реестр бежавшим», другим «бродягам духовного чина», а именно: «Суздальского уезда, села Лежнева, вдовый дьякон Иван Иванов, росту высокого, толст, лицом бел, круголиц, волосы темно-русые, кудрявые, говорит громко, 47 лет. Села Подморного поп Яков Иванов, росту большого, рыжий с проседью, шестидесяти лет. Рязанского кафедрального собора дьякон Андрей Тихонов, сын Дорошнин, именуемый себя Путинским, росту среднего, щедроват, говорит скоро, от роду 42 года. Успенского черниговского, елецкого монастыря иеродиакон Анания, росту среднего, лицом красен, читает дроботливо, поет тихо. Того же монастыря иеродиакон Платон, летами поменьше, да иеромонах Антоний, росту высоко-среднего, тонок, ходит сутуловато, глазами подслеповат, от роду например 40 лет. Черниговского Ильинского монастыря иеродиакон Евстратий, волосы рыжие, лицом красноват, мало рябоват, нос широкий, кругло-короткий, говорит громко, поет толстовато. Рыхловского монастыря эконом Епифаний, поет и читает тенора, лицом ряб, 32 лет. Того же монастыря монах Пафнутий, 30 лет, да монах Иеракс, 43 лет.

779 года монахи опять бежали группами, так что сыскивали их по одному реестру. Документ этот так и назывался: „Реестр бежавшим духовного чина бродягам“. Тут значится коломенской епархии, города Дедилова, церкви Покрова, священник Иван Семенов, 60 лет, города Балахны поп (sic) Василий Амвросиев, 60 лет, севской епархии монахи Варсонофий, поет второго тенора, да Филарет, росту большого, читать и петь знает немного, да из крутицкой епархии запрещенный к свяшенно-служению иеромонах Лука». И только что этот реестр был послан, как ко владыке пишет сначала игумения Великобудисского монастыря Марфа, что у нее убежала инокиня Антония, а за нею сейчас же жалуется игумен Нефорощанского монастыря Лукиан, что у него исчезли два монаха – Сила да Яков. Первый из них «поет тенора и легко ходит», а у второго «глаза кривые», и имеет всего 30 лет, тогда как их инокиня Антония уже в годах, – именно «имеет пятьдесят лет».

Все опять повторяется одна и та же замечательная черта, что пускающиеся в море житейское черницы берут себе в спутники чернецов гораздо себя моложе, хотя, впрочем, видно, за красотой своих кавалеров много не гонятся, ибо брат Яков имел какие-то «кривые глаза».

Денежные средства в этих случаях обыкновенно доставляли бережливые инокини.

Практику бродяг освященного сана отчасти можно видеть из указа славянской духовной консистории в алексапольское духовное правление по случаю, бывшему с неким отцом Василием Соколовским из села Мотовиловки (1786 февр. 14). Иерей этот, как видно из указа, долго искал себе алтаря, от которого бы ему было удобно кормиться, но начальство по каким-то причинам не торопилось удовлетворять его просьбу, а отцу Соколовскому с семьею стало холодно и голодно. Тогда, истомленный неудачами, этот безместный священник измыслил себе пропитание от вольной практики, – он нашел деревеньку, где местные батюшки не успевали сделать все, что нужно прихожанам, и «стал народам требы преподавать по правилам святых отец». Которых именно «святых отец» и какие «правила» руководили в этом отца Соколовского – в указе не объяснено, но только видно, что отец Василий «преподавал народам» всякие требы, нужные ко спасению живых и умерших. Он не только крестил и погребал, что бывает неотложно надобно по болезни ребенка, или по причине разложения трупа, но также «и другие требы народам» преподавал, – и все это он делал не нагло и самовластно, а с вольного уговора с местными священниками. Выходит, он делал то самое, что ныне без всякой помехи и без запрета делается повсеместно так называемыми «ранними батюшками», т. е. безместными священниками, которые теперь беспрепятственно и свободно служат в

Бродяги духовного чина. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru столицах и почти во всех больших городах ранние обедни, самоличное отправление которых городских священников, очевидно, затрудняет. Теперь эта практика не только терпима, но она до той степени распространена, что в Петербурге летом, когда «настоящие батюшки» выезжают на дачи, «ранние батюшки» открыто служат даже и «поздние обедни», и зла от того никакого не заметно. Но тогда, сто лет назад, начальство смотрело на это неблагоклонно и приводило на вид синодальный указ 1774 года, коим запрещалось, «чтобы нигде из духовного чина никаких бродяг приглашаемо не было». При открытии же где-либо священнодействующих «бродяг духовного чина», их велено было сдавать в «свечкие команды, для определения, куда годны явятся, а местных священников, которые из таковых бродяг правильных священников к служению в своих церквах без архиерейского дозволения допустят, штрафовать за каждую службу по десяти рублей на богадельни».

Указ этот впоследствии когда-нибудь, вероятно, отменен, или сюда тоже вкралось влияние «духа времени» и сделало запретное не запретным, а как бы дозволенным. И этому, кажется, надо радоваться, потому что вольнопрактикующие «ранние батюшки» порою бывают очень полезны, а старинное запрещение приходским священникам прибегать в иных случаях к пособию вольнопрактикующих преподавателей духовных треб все равно было и тогда невыполнимо. Даже более того, – услуги «ранних батюшек», которые тогда рассматривались как «бродяги духовного чина», нередко вызывались неизбежными случайностями, от которых не может считать себя свободным весь человеческий род, а наипаче духовенство. Священник иногда заболел, иногда утомлялся службою или по другим причинам не успевал сделать все, что от него требуется, – а требуется от него очень много. И вот тогда «преподавать требы народам» было некому, а от этого «души гибли» и шла большая молва в людях. Между тем, от того, что требы были преподаны «бродягою духовного чина», для душ христианских, по крайней мере, никакой беды не было, ибо они все-таки отходили в неведомый и безвозвратный путь лицом, имевшим «помазание от святого», и притом по опыту уже знавшим все тягости отдаленных переходов.

Таким образом, тип наших «ранних батюшек» возникал из бродяг духовного чина исторически и обозначался, как заместитель, или викарий в приходе. Случаи же такого рода, где подобная подстава была неотразимо нужна, чрезвычайно часты и о некоторых из них сохранились отметки в записях протопопа Могилянского, – например, «по благословию ясне в Богу преосвященнейшего Божиею милостию православного архиепископа переяславского и бориспольского писано золотонешскому протопопу Василью Терановичу, что села Ковтунов священник Иона Исидоров 739 года на вечера под Рождество Христово и на самый праздник всеобщего утреннего пения и литургии за пьянством не служил, а на другой день хоть была литургия и обхождение вокруг церкви, но однак на новое лето 1 января 1740 года всеобщего утреннего пения и литургии и указного молебствия опять не справлял за своим небрежением и крайним бесстрашием».

Разумеется, теперь, стоя на полтора века позднее того, когда совершалось это «бесстрашие» отца Ковтуновского – трудно все это судить, но как и тогда в обычаях православного народа были те же хождения по приходу перед праздником с молитвою «разговеиною», и потом на праздниках «с крестом», то ясно, что и тогда, как и ныне, это не могло не утомлять настоятеля прихода, тем более, что условная вежливость требует, чтобы он оказал честь угощениям, предлагаемым в каждом благочестивом доме. Очевидно, что это может вынести не всякий в духовенстве, и потому, случись тут вольнопрактикующий священник, он бы мог быть очень полезен, ибо мог бы вместо изнуренного настоятеля «преподать духовные требы народам», и были бы совершены все положенные моления на Рождество и в день Нового года.

Вообще же, что касается такого оригинального явления, как «бродяжничество людей духовного чина», которое здесь представлено по документальным источникам, то его, кажется, следует объяснять, во-первых, гнетущею скукою монастырской жизни, томительную праздность которой в силах переносить далеко не все из тех, которые неосмотрительно и необдуманно обрекают себя на уединение за монастырскими стенами; во-вторых, разочарованием, которое приходит скоро или не скоро, но всегда бывает мучительно, и, в-третьих, изобилием приютных мест, куда «бродяги духовного чина» могли стремиться. Места эти предлагал им, конечно, раскол поповщинского толка, куда до открытия белокрыницкой иерархии охотно и без всякого разбора брали каких попало попов и дьяконов церковного рукоположения. К их совестливости или добропорядочности в расколе были крайне нетребовательны. Лишь бы на них был сан, их сейчас же по-своему «переправляли» и определяли к священнослужительским занятиям. Иначе очень трудно объяснить побег иереев и иеромонахов, между коими, как мы видели, встречаются люди лет весьма преклонных,

Бродяги духовного чина. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru когда кочевая жизнь «бродяги» уже очень тяжела, да и занятия работами обременительны для человека самого крепкого. Жизнь же попов и дьяконов в расколе всегда слыла привольною и даже веселою, и во всяком случае она могла быть очень заманчивою для людей скучливых и по инстинктам своим очень грубых. [2]

Особенно же тяжело было неподвижное сидение для таких иноков и иереев, которые попортили свою карьеру непоправимо, или для молодых людей, которые не имели надежды «попасть на ваканс» (как это было с тремя священническими сыновьями, которых разыскивал в 1751 г. митрополит Щербатский). Иначе, мне кажется, нечем и объяснять легкость, с какою все эти лица пускались в бродяжество, и предположению моему на этот счет я вижу некоторое, по моим понятиям, сильное подтверждение. Оно заключается в том, что с открытием белокриницкой иерархии или вообще с началом «своего ставления попов» в расколе, побег из православного духовенства исчезают и прекращаются «сиски о бродягах духовного чина». Отчего бы это такое странное совпадение? Не от того ли, что с этого времени на беглых попов и дьяконов исчезает спрос и им стало некуда бегать из своих монастырей? О монастырях же наших в расколе, конечно, недаром говорят, что они «препитали священством оскудевшее благочестие во все долгие годы, пока там не раздобылись своим архиереем». А как в расколе прекратился спрос на бродяг духовного чина, так и со стороны православного духовенства прекратилось предложение этого ассортимента.

Правда, что в числе виденных нами «бродяг духовного чина» есть монахи и послушники, в священный сан не рукоположенные, а также были и просто «священнические сыновья» и инокини, которые тоже священнодействовать не могут. Но что касается всех не посвященных в сан бродяг мужского пола, то недостаток посвящения им нимало мешал, потому что, имея навык к церковному обиходу, они или добывали себе рукоположение «за рубежом» у единоверных нам славян или в Молдавии и потом были «переправляемы» раскольниками, или же приходили иногда к сим последним с обманом. Брали с собою какую-нибудь «воровскую грамоту» или просто уверяли, будто имеют посвящение, и прямо «переправлялись» и начинали священнодействовать без благодатных даров священства точно так же, как будто они имели на себе эти дары по рукоположению. Случаи самочинства в этом роде бывали в чрезвычайном изобилии.

А что касается инокинь, то они обыкновенно или выдавали себя «за жен» беглых вдов попов или иеромонахов и иеродьяконов, которые, сбежав в раскол и «переправясь», называли себя «белыми попами» и имели отвагу жить с беглыми, но не снявшими обетов девства, инокинями, как с женами, и приживали с ними детей. Пожилым инокиням, может быть, и тяжеловаты были обязанности материнства, но они смирялись и доживали век свой, называясь попадьями или дьяконицами – какая к кому доспела попасть в пору. В большинстве случаев это вовсе не обнаруживалось, но иногда, если и бывало в подозрении, то не преследовалось весьма на этот счет терпимыми нравами раскола, который выработал себе правило, что «тайно содеянное – тайно и судится». Те же инокини, которые не попадали в сожителство к мужчинам из бродяг духовного чина под видом их попадей и дьякониц, всего вероятнее, продолжали девствовать в раскольничьих скитах, где розыск беглых людей в то время был чрезвычайно труден.

Все это положение, вместе взятое, кажется, достойно быть поставлено в числе доводов, что клировые нравы в православной церкви теперь не понизились, а повысились, ибо теперь такое явление, как бродяжество лиц духовного чина, означенное в указах, уже невозможно.

А что явления этого рода не были редкою случайностью сто лет назад, это доказывается тем, что они обращали на себя серьезное внимание правительства, которое заботилось даже сократить число «излишних монахов», ибо и те, которые еще не убежали, уже обнаруживали к тому склонность. В интересной статье Ф. А. Терновского («Киевская старина», май 1882 г.) об излишних монахах конца XVIII столетия встречаем поразительные на это указания, хотя тут говорится о людях, которые еще не сбежали, но обличают постоянную склонность к побегам. Так, например, в Глуховском монастыре, о котором, по замечанию проф. Терновского, начальство дало «более откровенные отзывы», собирались в ту пору иноки удивительного характера: «иеромонах Варлаам, 60 лет, в трезвости спокоен и обхождения честного; в пьянстве же сердит и к дракам охотен. Священнодействие ему запрещено за убой игумена своего из ружья. Макарий – совести худой, нрава развратного, тайно из монастыря бродит, пьянствует и к похищению чужого добра склонен. Евсей нрав жестокого, пьянствует, ссорится и к дракам охотен. Иассон

Бродяги духовного чина. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru – состояния (т. е. поведения) совсем худого, всегда пьянствует, многие в монастыре воровства поделал, днем и ночью с монастыря ходит, соблазны делает, страха Божия и стыда лишился». В Харламиевом монастыре иеромонахи имели те же мучительные влечения скучать в ограде св. обители. «Самуил – напивается, за монастырь самовольно по селам бродит и в пьянстве злонравный. Амвросий – самого преразвратнейшего состояния, всех пороков скопище прегнуснейшее» и т. д. Даже и лучшие и те стремились бродяжить. Так, например, был здесь отец Виталий, 60 лет, «добронравный, но к бродяжеству склонный». Калеки и те хотели «бродить». Таков был отец Зосима: «на оба глаза слеп, ногами хром и одною рукою совсем недействителен, однако пьянствовать и бродить весьма в ночное время по околичным селам охоч». Да и об остальных аттестационная отметка сделана как бы не без иронии, а именно сказано: «сии все ведут себя по силе своей порядочно». Очевидно, что «вести себя порядочно» инокам стоило немало труда, и они достигали этого не в таком совершенстве, чтобы являть собою пример лежащему во грехах миру, а только «по силе своей», кто сколько мог, удерживались от явных соблазнов, драк и неодолимой тяги на волю. Тут есть нечто драматическое и даже напоминает состояние души Гамлета, который сознавал, что «долг ему велит по мере сил повиноваться», и в то же время делал вещи, как раз противоположные долгу повиновения.

Исчезновение одной такой склонности, как бродяжество, распространившееся в оно время среди вдовых священников и иеромонахов, как я смею думать, конечно, должно быть сочтено улучшением, а не ухудшением нравов русского духовенства. А улучшению его в этом роде значительно содействовало учреждение нашими раскольниками самостоятельной иерархии, сначала в Австрии, а потом и в России.

Многие считают весьма неблагоприятным для церкви, что наше правительство нынче сквозь пальцы смотрит на существование раскольничьей иерархии. По мнению этих дальновзорких людей, это поведет Россию к бедам, и они охотно рекомендовали бы правительству совсем иное отношение к церковному делу. Отношения эти намечены в заказной книге московского профессора Субботина, изданной по распоряжению синодального обер-прокурора. Но представителям этого образа мыслей, вероятно, не представляется, что упомянутая терпимость, помимо ее соответствия духу христианской свободы и духу времени, силы которого может не чувствовать только омертвелое тело, приносит очень большую пользу самому православному духовенству. Только одна эта относительная терпимость правительства к староверческой иерархии уничтожила сманку попов в раскол, которая без того все еще, вероятно, имела бы свое место и теперь. Но они туда более уже не пойдут, потому что в них там теперь не нуждаются.

Таким образом, некоторая доля послабления раскольничьей свободе, которое недалновидными критиками правительственных действий считается за вред православной церкви, на самом деле едва ли не приносит большой, своего рода, пользы для всего православного духовенства, ибо с тех пор, как раскольники не сманивают наших вдовых попов и иеромонахов, церковь свободна от целого ряда таких прискорбных случаев, какие мы видели.

Кажется, одни эти факты и посильный опыт их объяснения должны бы помочь поспешным на осуждение правительства людям быть осторожнее в своих толкованиях. Может быть, небольшое по этому случаю раздумье заставит их даже преклониться пред неисповедимыми путями Провидения, так как, конечно, не без его воли недоброжелательный к православной церкви раскол сам сослужил церкви наиболее полезную службу, избавив православных архиереев от досадительных, малополезных, а притом и несколько скандальных хлопот «о сиску бродяг духовного чина». [3]

Впервые опубликовано – «Новости и биржевая газета», 1882.

Примечания

1 Из этого приплетения к побегу иеродиакона Паисия «матки его» и указания, что сия последняя жила «при доме протопопы нежинского Стефана Волховского», следует заключать, что архимандрит Платон был неравнодушен к протопопу и упомянул о «находящейся при доме его» – не без умысла. (Прим. Лескова.).

2 А до чего была велика и сильна монастырская скука и к каким она иногда приводила крайностям людей даже святой жизни, мы об этом можем судить по характеру искушений, которыми сатана старался смущать возвышенные умы самых сосредоточенных подвижников. Козлы, рожи, рога и другие разные уродства, или

Бродяги духовного чина. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru прямо такие бесстыжие женщины, какие едва ли даже возможны в природе, – все это их преследовало. В прологах патриаршей печати, которые полнее нынешних и потому интереснее, приведен один случай, где дьявол в своем собственном виде гонялся по монастырю за иноком, «имея огон (хвост) столь долгий, что аж сшибал оным с неба облаки». А один «большой подвижник» Печерской лавры, по имени Феодосий, «родом москвигин», так соскучился по мясу, что «говорил: если не поем мяса, умру и буду осужден как самоубийца». От осквернения мясом подвижника спасло только чудо: «он велел купить себе мяса и поставил его на печь, чтобы съесть, когда останется один». Но случая такого не выпадало долго, а потом, когда подвижник наедине открыл свой горшок, он увидел, что там вместо мяса были черви... «Видев это, старец пал на землю и испросил у Бога прощение», но если бы он поставил мясо не на печь, а в печь, то кто знает, как могла погибнуть его душа... Все счастье в том, что это происходило в те времена, когда в Печерской лавре читали Полинадию и знали о свойствах мяса, вероятно, менее, чем о Лемносском прахе, который ежегодно выбрасывается 6 августа, и о египетских мертвецах, которые выступают из земли и лежат поверх ее от Пасхи до Пятидесятницы. (Прим. Лескова.).

3 Как на частное обстоятельство желаю обратить внимание читателей на то, что «сиск» идет о бродягах разных монастырей, как малороссийских, так и великорусских, но приметы бродяг везде описываются по-малороссийски. Отчего бы это могло происходить? Не оттого ли, что иноки из малороссов, будучи просвещеннее или, по крайней мере, грамотнее братии великорусской природы, везде содержали монастырское письмоводство в своих руках? Иначе, кажется, невозможно объяснить малороссийских слов в московских сношениях «о сиску». (Прим. Лескова.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://leskovnikolai.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!